

Н·С·ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Маленькая ошибка
(Святочные рассказы #12)

Содержание

Глава первая	0005
Глава вторая	0008
Глава третья	0011
Глава четвертая	0013
Глава пятая	0016
Глава шестая	0018
Глава седьмая	0020
Глава восьмая	0022

Николай Лесков
Маленькая ошибка
Секрет одной московской
фамилии

Глава первая

Вечерком, на Святках, сидя в одной благообразной компании, было говорено о вере и о неверии. Речь шла, впрочем, не в смысле высших вопросов деизма или материализма, а в смысле веры в людей, одаренных особыми силами предвидения и прорицания, а пожалуй, даже и своего рода чудотворства. И случился тут же некто, степенный московский человек, который сказал следующее:

– Не легко это, господа, судить о том: кто живет с верою, а который не верует, ибо разные тому в жизни бывают прилоги; случается, что разум-то наш в таких случаях впадает в ошибки.

И после такого вступления он рассказал нам любопытную повесть, которую я постараюсь передать его же словами:

Дядюшка и тетушка мои одинаково прилежали покойному чудотворцу Ивану Яковлевичу. Особенно тетушка, – никакого дела не начинала, у него не спросившись. Сначала, бывало, сходит к нему в сумасшедший дом и посоветуется, а потом попросит его, чтобы за

ее дело молился. Дядюшка был себе на уме и на Ивана Яковлевича меньше полагался, однако тоже доверял иногда и носить ему дары и жертвы не препятствовал. Люди они были не богатые, но очень достаточные, – торговали чаем и сахаром из магазина в своем доме. Сыновей у них не было, а были три дочери: Капитолина Никитишна, Катерина Никитишна и Ольга Никитишна. Все они были собою недурны и хорошо знали разные работы и хозяйство. Капитолина Никитишна была замужем, только не за купцом, а за живописцем, – однако очень хороший был человек и довольно зарабатывал – всё брал подряды выгодно церкви расписывать. Одно в нем всему родству неприятно было, что работал божественное, а знал какие-то вольнодумства из Курганова «Письмовника». Любил говорить про Хаос, про Овидия, про Промифея и охотник был сравнивать баснословия с бытописанием. Если бы не это, все бы было прекрасно. А второе – то, что у них детей не было, и дядюшку с теткой это очень огорчало. Они еще только первую дочь выдали замуж, и вдруг она три года была бездетна. За это других сестер же-

нихи обегать стали.

Тетушка спрашивала Ивана Яковлевича, через что ее дочь не родит: оба, говорит, молоды и красивы, а детей нет?

Иван Яковлевич забормотал:

– Есть убо небо небесе; есть небо небесе.

Его подсказчицы перевели тетке, что ба-тюшка велит, говорят, вашему зятю, чтобы он богу молился, а он, должно быть, у вас мало-верующий.

Тетушка так и ахнула: все, говорит, ему явлено! И стала она приставать к живописцу, чтобы он поисповедался; а тому все трень-трава! Ко всему легко относился... даже по по-стам скромное ел... и притом, слышат они стороною, будто он и червей и устриц вкуша-ет. А жили они все в одном доме и часто со-крушались, что есть в ихнем купеческом род-стве такой человек без веры.

Глава вторая

Вот и пошла тетка к Ивану Яковлевичу, чтобы попросить его разом помолиться о евреях Капитолине отверзти ложесна, а раба Лария (так живописца звали) просветити верою.

Просят об этом вместе и дядя и тетка.

Иван Яковлевич залепетал что-то такое, чего и понять нельзя, а его послушные женщины, которые возле него присидели, разъясняют:

– Он, – говорят, – ныне невнятен, а вы скажите, о чем просите, – мы ему завтра на записочке подадим.

Тетушка стала сказывать, а те записывают: «Рабе Капитолине отверзть ложесна, а рабу Ларию усугубити веру».

Оставили старики эту просительную записочку и пошли домой веселыми ногами.

Дома они никому ничего не сказали, кроме одной Капочки, и то с тем, чтобы она мужу своему, неверному живописцу, этого не передавала, а только жила бы с ним как можно ласковее и согласнее и смотрела за ним: не

будет ли он приближаться к вере в Ивана Яковлевича. А он был ужасный чертыханщик, и все с присловьями, точно скоморох с Пресни. Всё ему шутки да забавки. Придет в сумерки к тестю – «пойдем, – говорит, – часослов в пятьдесят два листа читать», то есть, значит, в карты играть... Или садится, говорит: «С уговором, чтобы играть до первого обморока».

Тетушка, бывало, этих слов слышать не может. Дядя ему и сказал: «Не огорчай так ее: она тебя любит и за тебя обещание сделала». А он рассмеялся и говорит тете:

– Зачем вы неведомые обещания даете? Или вы не знаете, что через такое обещание глава Ивана Предтечи была отрублена. Смотрите, может у нас в доме какое-нибудь неожиданное несчастье быть.

Тещу это еще больше испугало, и она всякий день, в тревоге, в сумасшедший дом бежала. Там ее успокоят, – говорят, что дело идет хорошо: батюшка всякий день записку читает, и что теперь о чем писано, то скоро сбудется.

Вдруг и сбилось, да такое, что и сказать

HEOXOTHO.

Глава третья

Приходит к тетушке средняя ее дочь, девица Катечка, и прямо ей в ноги, и рыдает, и горько плачет.

Тетушка говорит:

– Что тебе – кто обидел?

А та сквозь рыдания отвечает:

– Милая маменька, и сама я не знаю, что это такое и отчего... в первый и в последний раз сделалось... Только вы от тятеньки мой грех скройте.

Тетушка на нее посмотрела да прямо пальцем в живот ткнула и говорит:

– Это место?

Катечка отвечает:

– Да, маменька... как вы угадали... сама не знаю отчего...

Тетушка только ахнула да руками всплеснула.

– Дитя мое, – говорит, – и не дознавайся: это, может быть, я виновата в ошибке, я сейчас узнать съезжу, – и сейчас на извозчике полетела к Ивану Яковлевичу.

– Покажите, – говорит, – мне записку на-

шей просьбы, о чем батюшка для нас просит рабе божьей плод чрева; как она писана?

Присядающие поискали на окне и подали.

Тетушка взглянула и мало ума не решилась. Что вы думаете? Действительно ведь все вышло по ошибочному молению, потому что на место рабы божьей Капитолины, которая замужем, там писана раба Катерина, которая еще незамужняя, девица.

Женки говорят:

– Поди же, какой грех! Имена очень сходственны... но ничего, это *можно поправить*.

А тетушка подумала: «Нет, врите, теперь вам уж не поправить: Кате уж вымолено», – и разорвала бумажку на мелкие частички.

Глава четвертая

Главное дело, боялись: как дядюшке сказать? Он был такой человек, что если расходуется, то его мудрено унять. К тому же он Катю меньше всех любил, а любимая дочь у него была самая младшая, Оленька, – ей он всех больше и обещал.

Думала, думала тетушка и видит, что одним умом ей этой беды не обдумать, – зовет зятя-живописца на совет и все ему во всех подробностях открыла, а потом просит:

– Ты – говорит, – хотя неверующий, однако могут тебе быть какие-нибудь чувства, – пожалуйста, пожалей ты Катю, пособи мне скрыть ее девичий грех.

А живописец вдруг лоб нахмурил и строго говорит:

– Извините, пожалуйста, вы хотя моей же не мать, однако, во-первых, я этого терпеть не люблю, чтобы меня безверным считали, а во-вторых, я не понимаю – какой же тут причитаете Кате грех, если об ней так Иван Яковлевич столько времени просил? Я к Катечке все братские чувства имею и за нее заступлюсь,

потому что она тут ни в чем не виновата.

Тетушка пальцы кусает и плачет, а сама говорит:

– Ну... уж как ни в чем?

– Разумеется, ни в чем. Это ваш чудотворец все напутал, с него и взыскивайте.

– Какое же с него взыскание! Он праведник.

– Ну, а если праведник, так и молчите. Пришлите мне с Катей три бутылки шампанского вина. Тетушка переспрашивает:

– Что такое?

А он опять отвечает:

– Три бутылки шампанского, – одну ко мне сейчас в мои комнаты, а две после, куда прикажу, но только чтобы дома готовы были и во льду стояли заверчены.

Тетушка посмотрела на него и только головой покивала.

– Бог с тобою, – говорит, – я думала, что ты только без одной веры, а ты святые лики изображаешь, а сам без всех чувств оказываешься... Оттого я твоим иконам и не могу поклоняться.

А он отвечает:

– Нет, вы насчет веры оставьте: это вы, кажется, сомневаетесь и все по естеству думаете, будто тут собственная Катина причина есть, а я крепко верю, что во всем этом один Иван Яковлевич причинен; а чувства мои вы увидите, когда мне с Катей в мою мастерскую шампанское пришлете.

Глава пятая

Тетушка думала-подумала, да и послала живописцу вино с самой Катечкой. Та взошла с подносом, вся в слезах, а он вскочил, схватил ее за обе ручки и сам заплакал:

– Скорблю, – говорит, – голубочка моя, что с тобою случилось, однако дремать с этим некогда – подавай мне скорее наружу все твои тайности.

Девушка ему открылась, как спалила, а он взял да ее у себя в мастерской на ключ и запер.

Тетушка встречает зятя с заплаканными глазами и молчит. А он и ее обнял, поцеловал и говорит:

– Ну, не бойтесь, не плачьте. Авось бог поможет.

– Скажи же мне, – шепчет тетушка, – кто всему виноват?

А живописец ей ласково пальцем погрозил и говорит:

– Вот это уж нехорошо: сами вы меня постоянно неверием попрекали, а теперь, когда вере вашей дано испытание, я вижу, что вы

сами нимало не верите. Неужто вам не ясно, что виноватых нет, а просто чудотворец маленькую ошибку сделал.

– А где же моя бедная Катечка?

– Я ее страшным художническим заклятием заклял она, как клад от аминя, и рассыпалась.

А сам ключ теще показывает.

Тетушка догадалась, что он девушку от первого гнева укрыл, и обняла его.

Шепчет:

– Прости меня, – в тебе нежные чувства есть.

Глава шестая

Пришел дядя, по обычаю чаю напился и говорит:

– Ну, давай читать часослов в пятьдесят два листа?

Сели. А домашние все двери вокруг них затворили и на цыпочках ходят. Тетушка же то отойдет от дверей, то опять подойдет, – все подслушивает и все крестится. Наконец, как там что-то звякнет... Она поотбежала и спряталась.

– Объявил, – говорит, – объявил тайну! Теперь начнется адское представление.

И точно: враз дверь растворилась, и дядя кричит:

– Шубу мне и большую палку!

Живописец его назад за руку и говорит:

– Что ты? Куда это?

Дядя говорит:

– Я в сумасшедший дом поеду чудотворца бить!

Тетушка за другими дверями застонала:

– Бегите, – говорит, – скорее в сумасшедший дом, чтобы батюшку Ивана Яковлевича

спрятали!

И действительно, дядя бы его непременно избил, но живописец страхом веры своей и этого удержал.

Глава седьмая

Стал зять вспоминать тестю, что у него есть еще одна дочь.

– Ничего, – говорит, – той своя доля, а я Кореишу бить хочу. После пусть меня судят.

– Да я тебя, – говорит, – не судом стращаю, а ты посуди: какой вред Иван Яковлевич Ольге может сделать. Ведь это ужас, чем ты рискуешь!

Дядя остановился и задумался:

– Какой же, – говорит, – вред он может сделать?

– А как раз такой самый, какой вред он сделал Катечке.

Дядя поглядел и отвечает:

– Полно вздор городить! Разве он это может?

А живописец отвечает:

– Ну, ежели ты, как я вижу, неверующий, то делай, как знаешь, только потом не тужи и бедных девушек не виновать.

Дядя и остановился. А зять его втащил назад в комнату и начал уговаривать.

– Лучше, – говорит, – по-моему, чудотворца

в сторону, а взять это дело и домашними средствами поправить.

Старик согласился, только сам не знал, как именно поправить, а зять-живописец и тут помог – говорит:

– Хорошие мысли надо искать не во гневе, а в радости.

– Какое, – отвечает, – теперь, братец, веселие при таком случае?

– А такое, что у меня есть два пузырька шипучки, и пока ты их со мною не выпьешь, я тебе ни одного слова не скажу. Согласись со мною. Ты знаешь, как я характерен.

Старик на него посмотрел и говорит:

– Подводи, подводи! Что такое дальше будет?

А впрочем, согласился.

Глава восьмая

Живописец живо скомандовал и назад пришел, а за ним идет его мастер, молодой художник, с подносом, и несет две бутылки с бокалами.

Как вошли, так живописец за собою двери запер и ключ в карман положил. Дядя посмотрел и все понял, а зять художнику кивнул, – тот взял и стал в смирную просьбу.

– Виноват, – простите и благословите.

Дядюшка зятя спрашивает:

– Бить его можно?

Зять говорит:

– Можно, да не надобно.

– Ну, так пусть он передо мною по крайности на колена станет.

Зять тому шепнул:

– Ну, стань за любимую девушку на колена перед батькою.

Тот стал.

Старик и заплакал.

– Очень, – говорит, – любишь ее?

– Люблю.

– Ну, целуй меня.

Так Ивана Яковлевича маленькую ошибку и прикрыли. И оставалось все это в благополучной тайности, и к младшей сестре женихи пошли, потому что видят – девицы надежные.

*Впервые опубликовано – журнал
«Осколки», 1883.*